

К ВОПРОСУ ОПИСАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ИДИОМ В СОВРЕМЕННЫХ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

О.С. Зубкова

*Доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации
e-mail: olgaz4@rambler.ru*

Курский государственный университет

В статье представлены некоторые авторские трактовки современных теоретических концепций фразеологии и идиоматики, демонстрирующие акценты на определенной грамматической организации и специфических признаках. Подчеркивается, что в настоящее время фразеология является неотъемлемой частью изучения языков, превращающих лексику в точку пересечения просодии, морфологии, синтаксиса, семантики и прагматики. Отмечается фундаментальный характер фразеологизмов и идиом, обеспечивающих баланс общей языковой экономики наряду с комбинаторной свободой в рамках культурной репрезентации.

***Ключевые слова:** фразеологизм, идиома, метафоризация, устойчивые выражения, лингвокультурный фон.*

В настоящее время в филологической парадигме подход к фразеологии осуществляется преимущественно в когнитивном ракурсе, рассматривая фразеологизм как продукт когнитивных операций. В рамках данного подхода в значении фразеологической единицы выделяется базовое понятие, соотносящее конкретную единицу с той или иной областью концептосферы. При описании устойчивых лексических единиц базовый концепт выделяется, как правило, с помощью лексем-идентификатора, в результате чего устанавливается соотносительность исследуемых единиц с ключевыми понятиями, сопровождающаяся выделением наиболее частотных концептов, репрезентированных устойчивыми словосочетаниями естественного языка. Согласно данному подходу фразеологизм может рассматриваться как структурированный, мультистратегический и контролируемый способ передачи вневременных (идиологемных), эмотивных и тавтологических сообщений [Rastier 1997; Kerbrat-Orecchioni 2009; Gross 2001; Murano 2013; Raffaele 2013; Galisson 1984, 1991].

Однако следует заметить, что вопрос об однозначной трактовке фразеологии и составляющих её единиц имеет на сегодняшний день дискуссионный характер. Актуальные базовые концепции в отечественной и зарубежной теории языка разнятся в зависимости от ракурса

рассмотрения фразеологизмов и идиом. Так, например, в итальянской лингвистике данная проблематика не получила пока должного всестороннего описания, и вклад в теорию фразеологизмов достаточно спорадический. А. Цикальезе и А. Ланди подчеркивают, что в итальянском языке под термином «фразеология» обычно понимается вся информация, которую лексикографы включают в микроструктуру заглавных слов, фиксированных словарях [Cicalese, Landi 2002: 116]. В современной итальянской лингвистике «modo di dire» (пословица) (*переводы здесь и далее выполнены нами – О.З.*), метафорическое выражение или идиома, характеризуется комбинацией фиксированного означающего (мало или совсем неизменного) с некомпозиционным значением [Vietri 2005; Dardano, Trifone 1997; Cicalese, Landi 2002]. В настоящее время данный подход является доминирующим и предполагает рассмотрение фразеологизмов с семантической точки зрения при неизменном учёте уникального означающего: ««espressioni polirematiche (plurilessicali)», в котором означающее является фиксированным. Значение данных выражений не является композиционным, то есть оно не суммируется с функцией значений компонентов» [Casadei 1996: 142]. По нашему мнению, межъязыковая дефиниция Касадея значительно ограничивает сферу идиоматических выражений, поскольку, согласно логике исследователя, всё, что принадлежит к идиоматической сфере, не может быть точно передано при переводе на иной язык. Поэтому, представляется, что фразеологические единицы идентифицируются наличием определенных лексических и синтаксических характеристик и их значений, не выводимых, однако, из семантики компонентов (они номинируются автором как «прозрачные выражения»). В терминологии учёного, в буквальных выражениях, являющихся фоном для идиоматики, носителю языка несложно определить семантический внутренний состав компонентов, в то время как в полуидиоматических выражениях, то есть в переходных между «прозрачными выражениями» и идиоматическими («непрозрачными оборотами речи») акцентный смысловой элемент возможен для передачи в сообщении только при понимании общего культурного фона.

М. Дардано и П. Трифоне при анализе функционирования идиом делают акцент на иных элементных составляющих фразеологических единиц, а именно на лексических единицах «более высокого уровня» (*идиом – прим. наши – О.З.*) («unità lessicali superiori») [Dardano, Trifone 1997: 58]. Авторы отмечают, что для того, чтобы синтагма приобрела фиксированные характеристики лексических единиц более высокой степени, необходимо, чтобы её компоненты были неразделимыми. «Изменения, которые можно вносить в свободных группах слов, не всегда возможны для лексических единиц более высокого уровня. Например, лексическая единица «sala da pranzo» (столовая)

и группа слов «sala per ricevere gli ospiti» (зал для гостей) отличаются, поскольку мы смогли бы принимать прилагательное «grande» (большой) только во второй синтагме, и метафорический результат будет «una grande sala per ricevere gli ospiti» (большой зал для гостей), а не в первой. Идиоматические выражения по сравнению с лексическими единицами (кроме определенной степени лексикализации) обладают высшим уровнем метафоричности, защищающей стабильность их синтагм. Однако, например, синтагму “sala da pranzo”, можно однокомпонентно употреблять только в устной речи, а компоненты идиоматических выражений разделять нельзя» [Dardano, Trifone 1997: 61].

С. Виетри впервые в итальянском языкознании предприняла попытку системного анализа идиоматических выражений итальянского языка, проанализировав их исключительно с синтактико-лексической точки зрения [Vietri 2005]. Значимыми выводами автора стало выделение трёх видов синтаксических структур, свойственных идиомам и фразеологизмам, на основе отношений между глаголами и иными составляющими фразы. В анализе учёного, фиксированная синтаксическая позиция лексических форм в устной и письменной речи является отличительным знаком идиоматических выражений, считающиеся достаточно свободными языковыми структурами с точки зрения синтаксиса, но содержащими более одного неизменяемого компонента. С. Виетри объясняет, что изменения дистрибутивного вида (синонимы или прилагательные, относительные предложения) аннулируют идиоматическую ценность фразы, а грамматические изменения не влияют на идиоматическое значение (можно, например, менять время и наклонения глагола, добавить наречия или модификаторы между глаголом и дополнением). Результатом данного анализа является вывод о более высокой степени подвижности и синтаксической нестабильности идиоматических выражений, чем было принято считать ранее. Данный тезис приводит к выводу, что существует определённый лингвокультурный знаковый континуум между свободными предложениями и идиоматическими конструкциями, влияющий на «некорректное» использование грамматических норм в синтаксическом аспекте при функционировании идиоматических выражений. Подчеркнём, что в анализе автора базовым явился критерий вариативности, согласно которому предложение может трансформироваться на уровне синтаксической структуры только при наличии стабильного и неизменного идиоматического значения [Vietri 2005: 125].

В современном французском языкознании теоретические акценты при изучении фразеологии и идиоматики представляют, прежде всего, позицию социо-прагматическую и когнитивную [Longree, Meillet 2013; Kerbrat-Orecchioni 2009; Hesbois 1986; Carrier 2000; Hagège 2012]. Филологи исследуют вопросы, связанные с изучением концептуальных

элементов фразеологизмов и процессуальностью их создания; с характером определяющих элементов фразеологических единиц и социальной этимологией; с комплиментарной, но прагматически обусловленной организацией фразеологизмов; с исследованием вариативности фразеологизмов в зависимости от прагматического измерения Говорящего и Слушающего. Развитие данных теоретических концепций осуществляется в двух, хотя и взаимодополняющих, но совершенно разных направлениях: одно настаивает на теоретических инновациях, другое отдает предпочтение эмпирическому измерению.

Сторонники прикладного подхода утверждают, что появление в речи идиом связано, прежде всего, с экспрессивной функцией языковой системы и с адресатом сообщения, его поведенческими реакциями во время отправки сообщения. В данной трактовке очевидна, по нашему мнению, отсылка к схеме Р.О. Якобсона, хотя и в несколько редуцированном виде. «Адресат использует экспрессивную функцию, чтобы убедить, повлиять, заставить адресанта действовать или предупредить его, часто с помощью образной манипуляции или фразеологического императива. <...> Затем референтный потенциал идиомы фокусирует его на контексте. При реализации данной функции главное значение имеет содержание сообщения, то есть предоставленная информация, а также его контекст. Таким образом, эта функция эксплицирует информационный аспект идиомы и «предназначена» не только для информирования адресанта, но и для побуждения его к конкретным действиям» [Marquer 2005: 38]. По мнению французских учёных, использование в речи фразеологизма имеет целью установление, продление или прерывание коммуникационного взаимодействия [Marquer 2005; Kleiber 2000; Hagège 2012; Denhiere, Vestiguel 1997].

Кроме того, реализация проверки установления контакта с адресатом сообщения также осуществляется посредством ответной реакции на идиому. Метаязыковой потенциал образной единицы, связанный с культурным кодом, объективирует адресанту стереотипность восприятия (или отсутствие таковой) мифологемы, что предопределяет последующую реализацию сценария коммуникации. Акцентность приобретает возможность смены применяемых эмоциональных регистров речи продуцента при формировании идиоматического выражения, что является необходимой основой для реализации субъективной коммуникации (непосредственной и опосредованной). Вместе с тем, в рамках сообщения функциональный аспект употребления фразеологизмов превращает последние в эстетический объект с помощью каламбуров, рифм, метафор, олицетворений.

Согласно нашему анализу, доминанты теоретических концепций формируются в рамках рецептивных аспектов и методов обработки информации, объективирующих представление о динамике её приёма в

контекстах с использованием фразеологизмов или идиом. «Чтобы «заставить» коммуникацию развиваться по сценарию адресанта, важно реализовать следующую схему: «внимание», «интерес», «желание» и «действие». «Внимание» означает, что необходимо немедленно привлечь внимание адресата. В противном случае он не будет продолжать коммуникацию. Цель «интереса» – предоставить адресату информацию, которая нравится и интересна; цель «желания» достигается, когда интерес становится реальным желанием. И, наконец, «действие» требует от получателей инициатив, таких как, например, ответная вербальная реакция, переход к конкретным действиям, предпочтительным для адресанта сообщения, использующего идиому» [Carrier 2000: 329]. При этом в поле научного интереса попадают две модели приёма информации: первая, имеющая точкой отсчёта Говорящего и направленная на Слушающего, вторая – от адресата к адресанту высказывания и наоборот. Перекрёстный анализ и использование предлагаемых моделей, как нам представляется, позволяет подтвердить их теоретическую продуктивность, а также манифестировать возможные ограничения при практической реализации, поскольку каждая имеет своей целью текстовое «присвоение» и приверженность содержанию. По нашему мнению, логика гармонизации научного анализа диктует императив смешения разных парадигм описания, формируя релевантные общим задачам данные.

Анализ существующих подходов к изучению фразеологизмов (с учетом различного понимания номинаций, использующихся для выражения данного понятия) показал, что данные языковые единицы представляют собой комплексное явление с точки зрения их языковых и экстралингвистических особенностей. Однако в русском языкознании в настоящее время актуальным походом является когнитивный, рассматривающий фразеологические единицы с точки зрения их ментальной природы. По нашему мнению, продуктивность данного подхода может базироваться на идее ведущей роли метафоризации как когнитивной основы при формировании и функционировании фразеологизмов.

Полагаем, что «метафоризация осуществляется не на уровне восприятия, но на когнитивном уровне, поскольку концептуализированное подобие, сходство или аналогия есть продукт понимания. Эти операции присутствуют лишь на когнитивном уровне, поскольку трансфер означаемых в силу их подобия, сходства или аналогии, констатируется в когнитивно-перцептивно-аффективном опыте индивида. Означающее, напротив, обычно манифестируется на уровне морфологии или семантики, представляющих вышеупомянутый опыт, и не констатирует ни подобия, ни сходства, ни аналогии. Помимо естественной тенденции к созданию и открытию аналогий, метафоризация нивелирует затруднения в понимании некоторых видов опыта и способствует

достижению на уровне выражения целей, связанных с выразительностью речи» [Зубкова, Ушкалова 2017: 78]. Это вполне справедливо и для понимания ментальной природы фразеологизмов, поскольку исследование их функционирования невозможно без учёта вопросов когниции, анализа связи между внеязыковой действительностью, её ментальной репрезентацией и языковым выражением. Вместе с тем подчеркнём значимость метафоризации и при формировании сингулярности дискурса, в котором функционируют фразеологизмы, являющиеся неотъемлемой частью культурного фонда языка и репрезентирующие особенности национального характера. Уникальность и неповторимость описания в языковом поле объектов окружающей действительности, эксплицируемые в идиомах и фразеологизмах, с помощью метафоризации становятся доступными для интроспекции и поддержания этнической самобытности. Так, например, чтобы понять высказывание Паолы Нуньес (Paola Nugno) о проблеме миграции, необходимо принимать во внимание политическую ситуацию, в которой оказалась Италия, её социальный, гуманитарный фокус, а также лингвокультурный фон и менталитет граждан страны: *“Oltre cento, pare, i minori non accompagnati. C’è bisogno di scavalcare le torbide demagogie, tornare a parlare dei trattati e delle convenzioni europee. Ma prima di ogni altra cosa, c’è bisogno di non perdere di vista i diritti umani. C’è bisogno di capire che parliamo di vite, parliamo di persone che una casa non ce l’hanno, parliamo di donne, uomini e bambini che cercano salvezza. Che hanno diritto alla salvezza. Non possiamo alzare muri nei mari, non possiamo alzare muri sulle coste. Quello che dovremmo dire in questo momento a chi si trova sulla nave è: siete tutti benvenuti”* («Кажется, на голову свалились более сотни несовершеннолетних без сопровождения. Необходимо обойти темную демагогию, вернуться к разговору о европейских договорах и конвенциях. Но прежде всего, необходимо не упускать из виду права человека. Нам нужно понимать, что мы говорим о жизни, мы говорим о людях, у которых нет дома, мы говорим о женщинах, мужчинах и детях, которые ищут спасения. И которые имеют право на спасение. Мы не можем поднимать стены в морях, мы не можем поднимать стены на побережьях. На данный момент мы должны сказать тем, кто находится на корабле: добро пожаловать»).

Богатство образных экспонентов в идиомах или фразеологизмах обусловлено национальными архетипами и является своеобразным «культурным комментарием», за которым находится «<...> система связей по линии как энциклопедических, так и языковых связей, сопровождаемых эмоционально-оценочным маркированием, влияющих на последующую прагматическую пресуппозицию исследуемого феномена» [Зубкова 2014: 33]. Например: *«die Münchener essen die Knödel nacheinander, sonst verschluckt man sich»* – «мюнхенцы едят кнедли по одному, чтобы не подавиться» (в немецкой лингвокультуре существует

устойчивый образ жителя Мюнхена, характеризующийся медлительностью и неторопливостью в принятии решений).

Однако заметим, что интерференция иностранных лексем в культурный фонд фразеологии и идиоматики неизбежно влечёт изменения метафорического поля и инверсию причинно-следственных связей, репрезентируя несовместимость понятий, переданных иностранными заимствованиями, с этническим языком и менталитетом. Подчеркнём, что при этом объективируется факт изменения ориентации коллективного сознания: с одной стороны, новые лексемы лишены исторической памяти для носителя языка, «стремятся» к исходному вытеснению, с другой – способны осуществлять сбалансированную эволюцию лексического фонда языка-реципиента путём новых коллокационных последовательностей. Так, например, во фразеологизмах немецкого языка может нивелироваться разница между разновидностями растений (дерево/кустарник), названий профессиональных сообществ, апеллятивами в канцеляризмах и т.д. (в отличие, например, от итальянского или французского языков), но разница между численными грамматическими категориями должна оставаться константной, поскольку она является определяющей для понимания носителей данных языков. Например: (фр.) «*Depuis, je fais de la musculation et du krav maga*» («С тех пор я занимаюсь силовыми тренировками и крав мага» (метод самообороны, сочетающий базовые приёмы из скандинавских боевых искусств – О.З.); «*je suis sportif et je pratique le sport de combat, cela c'est bien passé pour moi et très mal pour mes agresseurs que j'ai maîtrisé et remis aux policiers dès leur arrivée*» («я спортсмен и занимаюсь боевыми видами спорта, это было хорошо для меня и очень плохо для моих обидчиков, которых я взял под контроль и передал полицейским, как только они прибыли» или (нем.) «*ich mache den Nachtdienst von 20 bis 11 Uhr 4 Tage hintereinander als ... Wer den Pfennig nicht ehrt, ist des Talers nicht wert*» «У меня ночные дежурства с 20 до 11 утра 4 дня подряд как.. кто не уважает пенни, тот не достоин талера». Выражение «*Paris n'est pas faite en un jour*» («Париж не строился за один день») имеет русский аналог «Москва не сразу строилась» или «*Vin versé il faut le boire*» («Налитое вино должно быть выпито») – «Назвался груздем – полезай в кузовок», «Взялся за гуж, не говори, что не дюж», «Не боялся братья, так не страишь и делать», «Сказал А, говори и Б», что объективирует акцентный ряд базовых концептов каждой культуры. Очевидно, что процесс идентификации пропозиционального концепта включает в себя особую динамику построения смысла всей фразеологической таксономии в соответствии с необычной для носителя иного языка, но согласованной с логикой языковой системы и гармонизацией культурной традиции. При этом принцип оптимальности манифестирует чрезвычайно тонкую сеть отношений, фрактальную связку, структура которой стабилизируется

локальной проекцией из одной метафоризируемой области в другую, придавая особую значимость уникальности образного выражения и усложняя степень распознавания носителем иного языка. В данном аспекте проблема нивелирования семантической некогерентности редуцируется путём представления синонимической «пары» в конкретном языке (ср. например: «Человек предполагает, а Бог располагает (рус.) – L’homme propose et Dieu dispose (фр.) – L’uomo propone e Dio dispone (ит.)») или определения в форме синонимических парафраз. Таким образом, становится очевидным вывод о значимости национально обусловленных фразеологизмов и идиом как необходимых элементов траектории вхождения субъекта в культуру, в социальную жизнь и полноценном позиционировании себя в фактологии языка.

Резюмируя вышесказанное, подчеркнём, что в современных филологических концепциях представление лексической нестабильности во фразеологии и идиоматике остаётся дискуссионным параметром. Признание культурного маркирования фразеологической семантики является доминирующим компонентом в западном языкознании в настоящее время. Полилексичность идиоматических и фразеологических единиц, как представлено в современных исследованиях, способна формализовать дистанцию между носителем языка и индивидом, репрезентирующим иной языковой код, поддерживающуюся имплицитными культурными элементами.

Библиографический список

Зубкова О.С. Терминологическая деривация профессиональной метафоры: лингвосемиотический аспект // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2014. № 2. С. 32–36.

Зубкова О.С., Ушкалова М.В. Лингвосемиотическая реализация каламбура в публичной речи. Курск, Юго-Западный гос. ун-т., 2017. 155 с.

Carrier H. Lexique de la culture pour l'analyse culturelle et l'inculturation. Desclée (2 éd.), 2000. 441 p.

Casadei F. Metafore ed espressioni idiomatiche. Uno studio semantico sull'italiano. Roma: Bulzoni, 1996. 498 p.

Cicalese A., Landi A. Simboli, linguaggi e contesti. Università Scienze della comunicazione, 2002. 288 p.

Dardano M., Trifone P. La nuova grammatica italiana. Bologna, Zanichelli, 1997. 768 p.

Denhiere G., Vestiguel J.C. Le traitement cognitif des expressions idiomatiques activités automatiques et délibérées // La locution: entre le lexique, syntaxe et pragmatique. Identification en corpus, traitement apprentissage. Paris Klincksiek, 1997. Pp.119–148.

- Hagège C.* Contre la pensée unique, Paris: Odile Jacob, 2012. 256 p.
- Hesbois L.* Les jeux de langages. Québec: Éditions de l'Université d'Ottawa, 1986. 333 p.
- Galisson R.* Les mots: mode d'emploi. Les expressions imagées. Paris: CLE International, 1984. 64 p.
- Galisson R.* De la langue à la culture par les mots. Paris: CLE International, 1991. 191 p.
- Gross G.* Les expressions figées en français: noms composés et autres locutions. Paris : Éditions Ophrys. 2001. 161 p.
- Kerbrat-Orecchioni C.* L'énonciation. De la subjectivité dans le langage. Paris: Armand Colin, 2009. 272 p.
- Kleiber G.* Sur le sens des proverbes // *Igge*, vol. 34, 2000. № 139. Pp. 39–58.
- Marquer P.* L'organisation du lexique mental: des contraires aux expressions idiomatiques. l'Harmattan, 2005. 297 p.
- Murano M.* Des phrases aux séquences figées. La phraséologie dans les dictionnaires bilingues franco-italiens. Quaderni del CIRSIL Bologne: Clueb. 2013. 120 p.
- Longree D., Meillet S.* Le motif: une unité phraséologique englobante? Étendre le champ de la phraséologie de la langue au discours // *Langages*, 2013. № 189, Armand Colin. Pp. 65–79.
- Raffaele S.* Fondamenti di linguistica. Roma-Bari, Editori Laterza, 2013. 230 p.
- Rastier F.* Défigements sémantiques en contexte. Martins-Baltar, M. (éd.), La locution, entre langues et usages, coll. Signes. Paris : ENS Editions Fontenay / Saint Cloud, Ophrys, 1997. Pp. 305–329.
- Vietri S.* Lessico e sintassi delle espressioni idiomatiche. Una tipologia tassonomica dell'italiano. Napoli, Liguori, 2 ed., 2005. 546 p.